

Е. Ф. Турау

К истории киевского погрома

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т86

Т86 **Турау Е.Ф.**
К истории киевского погрома / Е. Ф. Турау – М.: Книга по Требованию, 2013. – 88 с.

ISBN 978-5-518-07150-6

Всеподданнейший отчет о расследовании причин беспорядков, бывших в г. Киеве в октябре 1905 г.

ISBN 978-5-518-07150-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чившіся, благодаря особенно благоприятным местным условиям, еврейским погромом. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи безпорядки эти, какъ по самому характеру своему, такъ и по причинамъ ихъ возникновенію, рѣзко распадаются на два періода, между которыми гравно явился день 18 октября. Необходимо при этомъ отмѣтить, что первый періодъ безпорядковъ, являясь естественнымъ продолженіемъ сентябрьскихъ событій, тѣсно примыкаетъ къ послѣднимъ, представляя вмѣстѣ съ ними одинъ общій послѣдовательный ходъ общественнаго движенія. Вслѣдствіе этого, описанію октябрьскихъ безпорядковъ необходимо предпослать краткій обзоръ жизни Кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеній при новомъ ихъ автономномъ режимѣ, а также и другихъ соприкасающихся съ ними явленій общественнаго характера.

Вслѣдъ за изданіемъ закона объ автономіи, въ университетѣ св. Владиміра и Кіевскомъ политехническомъ институтѣ состоялся рядъ публичныхъ собраній студентовъ при участіи посторонней публики, не принадлежавшей къ составу учащихся, рабочихъ и лицъ разныхъ профессій и общественнаго положенія. Собранія эти, получившія названіе „народныхъ митинговъ“, съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе, причемъ число постороннихъ лицъ, постепенно увеличиваясь, достигло къ концу сентября нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Въ залахъ гдѣ происходили эти собранія, Высочайшіе портреты вскорѣ были убраны, а вмѣсто нихъ развѣшаны красные флаги съ революціонными надписями. На митингахъ произносились страстные рѣчи о нецѣлостности существующаго государственнаго строя, — о необходимости борьбы съ правительствомъ, раздавались прокламаціи и производились сборы пожертвованій на пріобрѣтеніе оружія и усиленіе средствъ революціонныхъ организацій.

Первый народный митингъ состоялся 7 сентября, въ 12 часовъ дня, въ актовомъ залѣ университета, куда, кромѣ студентовъ, собрались также слушатели политехническаго института и постороннія лица, въ томъ числѣ рабочіе и женщины. Всего собралось до 3-хъ тысячъ человекъ. Аудиторія гдѣ предполагалась сходка, не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ участвовать въ ней; а потому студенты обратились къ университетской администраціи съ просьбой предоставить для сходки актовъ залъ, въ которомъ тогда происходило засѣданіе совѣта профессоровъ для выбора декановъ и секретарей факультетовъ. До полученія отвѣта небольшая группа студентовъ, во главѣ которой, — по свѣдѣніямъ, полученнымъ Кіев-

скии губернаторомъ,—находился студентъ старшаго курса, неизвѣстный по фамиліи—еврей. насильно ворвалось въ актовый залъ, взломавъ въ немъ запертую дверь. Это насиліе, впрочемъ, не встрѣтило общаго сочувствія:—участники сходки выразили порицаніе товарищамъ, ломавшимъ дверь, и поручили передать извиненіе профессорамъ. Затѣмъ, по предложенію нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, была прочта вѣчная память всѣмъ, погибшимъ въ борьбѣ за свободу во время предшествовавшихъ безпорядковъ, и произнесены рѣчи, въ которыхъ обсуждался вопросъ объ открытіи университета. Часть ораторовъ стояла за продолженіе забастовки, часть же настаивала на возобновленіи занятій съ тѣмъ, чтобы университетъ служилъ также и для цѣлей политической пропаганды и борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Послѣ переговоровъ съ профессоромъ княземъ Трубецкимъ, убѣждавшимъ студентовъ приступать къ занятіямъ и указывавшимъ на необходимость для народа просвѣщенія, юридической и медицинской помощи, собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 23 рѣшило прекратить забастовку и приступить къ занятіямъ. Послѣ этого нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ собраніи, оставшіеся для выработки резолюціи, покинули актовый залъ съ цѣлью революціонныхъ цѣлей.

Для спуска такой же митингъ, съ участіемъ посторонней публики, состоялся въ политехническомъ институтѣ, гдѣ собрались студенты института и университета и рабочіе, преимущественно, еврейки и евреи. Здѣсь также произносились рѣчи противоположнаго содержания, раздавались прокламаціи и продавались брошюры революціоннаго направленія. Между прочимъ, часть студентовъ настаивала на необходимости открытія института не для занятій, а исключительно для политической пропаганды, высказывая при этомъ мысль, что институтъ долженъ обратится въ мѣсто сходокъ не только студентовъ, но и рабочихъ и сдѣлаться, такимъ образомъ, народной трибуной.

Одновременно съ устройствомъ митинговъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при участіи посторонней публики, учащая молодежь, находя, повидяному, что и всякія другія публичныя собранія должны отнынѣ служить мѣстомъ обсужденія всякихъ вопросовъ политическаго характера, воспользовалась съ этой цѣлью двумя засѣданіями съѣзда русскихъ психіатровъ, а также публичнымъ чтеніемъ, устроеннымъ лекторомъ Водовозовымъ.

Беспорядки на засѣданіи собранія состоялось торжественно засѣданіе съѣзда русскихъ врачей-психіатровъ, при многочисленномъ стеченіи публики. По окончаніи лекцій, прочитанной профессоромъ Сикорскимъ, съ хоромъ слышалась рѣчь какого-то студента, вспоминавшего о погроме и о крови, пролитой въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Житомирѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ, а также на поляхъ Мавчжуріи. Другой студентъ, взоидя на кафедру, прочелъ прокламацію социалъ-демократической организаціи по поводу окончанія войны. Въ то же время какой-то молодой человекъ, начавъ рѣчь отъ имени рабочихъ, поднялъ вверхъ палку съ двумя красными лентами. Послышались крики: „долой полицію, долой самодержавіе!“ Съ торжъ посыпались прокламаціи. Беспорядки продолжались нѣсколько минутъ и прекратились сами собою, такъ какъ присутствовавшіе отвесились ко всему происшедшему равнодушно и бездленно покинули залъ засѣданія. -- Три дня спустя, 11 сентября, состоялось новое засѣданіе съѣзда психіатровъ, сопровождавшееся такими же событіями, при чемъ, когда въ залъ засѣданія во время произнесенія противоположительныхъ рѣчей и пѣнія вѣчной памяти вошелъ Кіевскій полиціймейстеръ, въ него кѣмъ-то изъ публики была брошена электрическая лампа, перелетѣвшая черезъ его голову.

Беспорядки въ литературно-артистическомъ обществѣ. 14 сентября въ помѣщеніи Кіевского литературно-артистическаго общества литераторомъ Водовозовымъ по собственному почину, безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, было устроено публичное чтеніе, собравшее учащихся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, по преимуществу еврейскую молодежь обоого пола, рабочихъ, мастеровыхъ и проч. Лекцію свою Водовозовъ посвятилъ критическому разбору положенія Государственной думы, порицая при этомъ существующій государственный строй, что вызвало шумныя одобренія публики. Когда явился полиціймейстеръ и объявилъ о закрытіи собранія, какъ устроеннаго съ нарушеніемъ правилъ устава литературно-артистическаго общества, въ отвѣтъ послышался шумъ, свистъ и крики: „долой полицію!“ Литераторъ Водовозовъ предложилъ баллотировать вопросъ, слѣдуетъ-ли подчиниться требованію полиціймейстера и прекратить чтеніе или же, не исполняя этого требованія, пожертвовать своею жизнью и тутъ же вступить съ полиціей въ кровавую борьбу, помня, что повеселъ жертвы „послужать святому дѣлу испровер-

женія существующаго порядка". Часть публики высказалась за борьбу, другіе же протестовали и ушли изъ помѣщенія общества. Наиболѣе же сопротивлявшіеся, будучи арестованы, стали бросать въ городовыя обломки стульевъ и перилъ и разбили стекла въ окнахъ. Нѣкоторымъ чинамъ полиціи были нанесены удары по лицу, а у одного изъ околоточныхъ надзирателей была оборвана португеза. Всѣ эти оскорбленія и насилія заставили полицейскихъ чиновъ обнажить шашки, при чемъ полицейскому приставу съ трудомъ удалось успокоить своихъ подчиненныхъ и предупредить такимъ образомъ кровопролитіе, хотя одному изъ задержанныхъ и была причинена легкая рана въ голову.

Митинги въ концѣ сентября. Между тѣмъ народныя митинги въ университетѣ и политическомъ институтѣ продолжались попрежнему. На одномъ изъ такихъ собраний, состоявшемся 20 сентября въ политехническомъ институтѣ, куда, по обыкновенію, явились рабочіе и еврейская молодежь, послѣдняя усиленно настаивала на томъ, чтобы какъ лекціи, такъ и студенческія сходки были доступны и частной публикѣ, что, однако, встрѣтило возраженіе со стороны части студентовъ. Послѣдующіе митинги, прогрессируя въ смыслѣ все болѣе широкаго доступа въ помѣщенія высшихъ учебныхъ заведеній лицамъ, совершенно не причастныхъ къ учебной дѣятельности этихъ учрежденій, съ половинѣ октября постепенно обратили какъ университетъ, такъ и политическій институтъ въ арену открытой и ничѣмъ не стѣсняемой противоправительственной пропаганды. Революціонные агитаторы, еще недавно подвергавшіеся преслѣдованію властей за устройство тайныхъ кружковъ и собраний въ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, чувствовали себя теперь неуязвимыми. Подъ покровомъ автономной неприкосновенности высшихъ учебныхъ заведеній, они открыто и не стѣняясь составляли и обсуждали планы дѣйствій, направленныхъ къ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ и къ нарушенію общественнаго порядка и безопасности. Изъ такихъ митинговъ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые, прочно организовавшись въ концѣ сентября, собирались періодически до половины октября и, наконецъ, рѣшили перенести свою дѣятельность изъ закрытыхъ помѣщеній на улицу.

Одно изъ такихъ собраний состоялось въ 10 час. утра, 23 сентября, въ актовомъ залѣ университета, куда сошлось до 5 тысячъ студентовъ и постороннихъ лицъ, — главнымъ об-

разомъ, евреевъ, и въ томъ числѣ болѣе 500 женщинъ. Сходка открылась рѣчью революціоннаго содержанія, произнесенной студентомъ—евреемъ. По вопросу о продолженіи учебныхъ занятій между участниками собранія произошли пререканія, окончившіяся общимъ побождемъ. Во время этой сходки, по установившемуся уже обыкновению, продавались брошюры противоправительственнаго содержанія и фотографическія карточки политическихъ преступниковъ; раздавались такія же прокламаціи и производился сборъ пожертвованій на революціонныя цѣли.

На такомъ же митингѣ, происходившемъ 29 сентября, участвовало до тысячи человекъ студентовъ, вѣщей, адвокатовъ и женщинъ, при чемъ присутствовали также делегаты отъ многогородныхъ учебныхъ заведеній. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на русскомъ, малороссійскомъ и польскомъ языкахъ, говорилось о близости государственнаго переворота въ Россіи и о необходимости для поляковъ дѣйствовать заодно со всѣми стремящимися испровергнуть существующій строй; высказывались мысли о возстановленіи Польши и созывѣ въ Варшавѣ польскаго сейма, о братствѣ съ пролетаріатомъ и т. п.

Митингъ этотъ возобновился на слѣдующій день, при чемъ былъ особенно многолюденъ. Актный залъ, эвангъ-залъ и прилегающіе къ нимъ корридоры были переполнены самой разнообразной публикой, среди которой преобладали евреи и еврейки. Послѣ рѣчей и дебатовъ по обычной программѣ, присутствовавшая была процѣта „вѣчная память“ съчитавшимся ректору Московскаго университета князю Трубецкому и Кіевскому присяжному поверенному Купернику, а также „жертвамъ произвола правительства“,— всѣми казенными политическими преступникамъ.

Безпорядки Чествованіе памяти Куперника этимъ, одна похоро- нахъ присяж- наго повер- реннаго Ку- перника 1-го октября и митинги 2 и 3 октября. Чествованіе памяти Куперника этимъ, однако, не ограничилось. На слѣдующій день, 1-го октября, во время похоронъ тѣло его провожала большая толпа народа, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, при чемъ въ члѣнъ слѣ другихъ на гробъ были возложены вѣнки съ красными лентами—съ надписью на одной изъ нихъ „Честному гражданину отъ К. К. П. С. Р.“ (т. е. отъ Кіевскаго комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ). По пути слѣдованія погребальной процессіи толпа плѣла марсельезу, а на кладбищѣ были произнесены революціонныя рѣчи. По окончаніи обряда погребенія, часть толпы съ,

пѣіемъ революціонныхъ пѣсень направилась къ выходу съ кладбища съ явнымъ намѣреніемъ продолжать демонстрацію, но была встрѣчена полиційскимъ нарядомъ, преградившимъ ей путь. Изъ толпы было произведено нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, на которыя бывший въ нарядѣ околоточный надзиратель отвѣтилъ тоже выстрѣломъ. По разсѣяніи толпы, на мѣстѣ столкновенія ея съ полиціей было обнаружена убитая еврейка. Предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что еврейка эта была убита пулей не отъ револьвера системы „Смитъ и Виссонъ“, которымъ былъ вооруженъ околоточный надзиратель, а отъ револьвера системы „Браунингъ“. Между тѣмъ по городу распространился слухъ, что еврейка убита выстрѣломъ, произведеннымъ околоточнымъ надзирателемъ, и на слѣдующій день, 2 октября, съ самаго утра къ зданію университета стала стекаться разнообразная публика, среди которой студенты составляли вѣзвѣщательное меньшинство. Всего собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, преимущественно молодыхъ евреевъ и евреекъ. Войдя въ зданіе университета, толпа заняла залъ аудиторіи и устроило тамъ сборище, открытое рѣчью какого-то студента, еврея, по поводу убитой наканунѣ еврейки, послѣ чего было произнесено еще нѣсколько революціонныхъ рѣчей, сопровождавшихся криками: „долой самодержавіе!“. На предложеніе ректора оставить зданіе университета толпа не обратила вниманія и лишь нѣсколько времени спустя, выйдя изъ аудиторіи, направилась къ анатомическому театру, гдѣ, по предположенію толпы, долженъ былъ находиться трупъ убитой еврейки. Встрѣтивъ, однако, нарядъ полиціи и кизачьи разъѣзды, толпа вернулась обратно, часть вошла въ зданіе университета, часть же отправилась къ народному дому, гдѣ въ то время шелъ спектакль. Ворвавшись въ народный домъ, скопище пыталось устроить тамъ демонстрацію, причемъ незнакомый студентъ, ставъ на стулъ, приглашалъ находившихся въ театрѣ зрителей собраться къ университету на митингъ. Полоспѣвшимъ нарядомъ полиціи безпорядокъ былъ прекращенъ, и толпа, оставивъ народный домъ, небольшими группами вернулась къ университету. Присникнувъ въ актовъ залъ, толпа снова устроила собраніе, въ которомъ приняло участіе до 3-хъ тысячъ человѣкъ, причемъ въ числѣ собравшихся замѣчены были воспитанники и воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній. Снова произносились рѣчи о современномъ государственномъ строѣ и объ убитой еврейкѣ, а затѣмъ ей была пропѣта вѣчная память на еврейскомъ языкѣ и собраны были деньги для покупки вѣнка на гробъ убитой.

На слѣдующій день, 3 октября, съ утра къ зданію политехническаго института стали прибывать сѣшавныя группы студентовъ и посторонней публики. Къ 11 часамъ физическая аудиторія оказалась настолько переполненной, что часть публики вынуждена была перейти въ главную аудиторію. Всего собралось до 5-и тысячъ человекъ. И на этотъ разъ преобладала еврейская молодежь женскаго пола, студенты же составляли меньшинство, а нѣкоторые изъ нихъ, пробывъ короткое время въ институтѣ, покинули послѣдній. Передъ собравшимися были произнесены на русскоиъ, польскоиъ, еврейскоиъ и грузинскоиъ языкахъ рѣчи о необходимости ликвидировать самодержавіе, о борьбѣ съ правительствомъ, производился сборъ денегъ на покупку съ этой цѣлью оружія и было поднято два флага: одинъ черныиъ съ надписью: „Смерть палачамъ!“, а другой красныиъ со словами: „Долой самодержавіе!“. Послѣ этого участники митинга предполагали устроить шествіе къ Лукьяновскому владѣнію на погребеніе убитой еврейки, но въ это время стало извѣстнымъ, что еврейка уже похоронена, вслѣдствіе чего толпа разошлась. Съ этого же дня, какъ видслѣдствіи были получены свѣдѣнія, въ курильной комнатѣ университета устроена была тайная бібліотека нелегальныхъ изданій, посѣщавшаяся какъ студентами, такъ и посторонней публикой, участвовавшей въ митингахъ, а также помещена была кружка для сбора пожертвованій на усиленіе средствъ читальни. Въ этой же читальнѣ печатались резолюціи сходокъ и разныя преступныя воззванія, распространявшіяся на собраніяхъ.

Митинги въ началѣ октября и забастовки. Послѣ этого собранія такіе же митинги состоялись въ связи съ успѣхомъ учебныхъ заведеній 5, 7, 8 и 9-го октября, причеиъ на первомъ изъ нихъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ народнаго митинга на улицѣ, а на послѣднемъ производился сборъ пожертвованій на оружіе. Въ числѣ посторонней публики обращала на себя вниманіе, какъ всегда, еврейская молодежь, а также нижніе чины разныхъ частей войскъ. Кроиъ другихъ ораторовъ, на собраніи 9-го октября въ политехническомъ институтѣ выступилъ съ рѣчью бывшій служащій управленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ Александръ Шлихтеръ, состоящій по свѣдѣніямъ Кіевского охраннаго отдѣленія, членомъ мѣстнаго комитета Россійской социаль-демократической партіи и Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Обратившись къ присутствовавшимъ тутъ же раіо-

чимъ, Шлихтеръ призывалъ ихъ къ всеобщей забастовкѣ, которая, по его словамъ, является единственнымъ средствомъ заставить правительство пойти на уступки. Призывъ Шлихтера возымѣлъ свое дѣйствіе: служащіе и рабочіе мѣстныхъ железнодорожныхъ управленій, благодаря постоянному присутствію на митингахъ, успѣли организовать раньше другихъ. Вслѣдствіе этого, 11 октября, еще до начала общихъ беспорядковъ, все управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ прекратило занятія, выработавъ подъ предсѣдательствомъ Шлихтера и предъявивъ администраціи особую „резолуцію“ съ перечисленіемъ своихъ требованій какъ экономическаго, такъ и политическаго характера. Въ числѣ этихъ требованій упоминается объ учрежденіи „Россійскаго законодательнаго парламента, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей“. Воспроизведенная въ большомъ количествѣ экземпляровъ резолюція эта было разослана всѣмъ служащимъ на ливніи мастерскимъ и рабочимъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ общему движенію и немедленно выслать въ Кіевъ своихъ депутатовъ. Въ тотъ же день, т. е. 11 октября, прекратили работу служащіе въ управленіи Кіево-Полтавской желѣзной дороги, а 12 октября прервалось движеніе и на ливніяхъ къ Москвѣ и Курску, а также на Полтавской вѣтви Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Забастовка распространилась затѣмъ на мастерскія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ цѣлью оказать поддержку своимъ товарищамъ, перестали работать и на одномъ изъ немногихъ крупныхъ Кіевскихъ заводахъ—Южно-Русскомъ машиностроительномъ. Забастовки эти, несомнѣнно, не были вызваны экономическими причинами, а явились результатомъ агитаціи и задугиванія рабочихъ насиліемъ, такъ какъ на слѣдующій день рабочіе хотѣли возобновить работы, но были разогнаны небольшою группою рабочей молодежи.

Прекращеніе железнодорожнаго движенія повысило настроеніе революціонныхъ элементовъ въ городѣ и вызвало тревогу въ обществѣ. Событія между тѣмъ, развиваясь безпрепятственно, быстро приближались къ 13 октября, когда и со стороны революціонныхъ дѣятелей и со стороны мѣстныхъ властей было рѣшено принять особые мѣры—первыми къ устройству уличныхъ беспорядковъ, а вторыми—къ охранѣ общественнаго порядка и безопасности. Еще въ началѣ октября руководителями революціоннаго движенія были недовольны тѣмъ, что устраиваемые ими въ закрытыхъ помѣщеніяхъ ми-

тивяги не оказываютъ замѣтнаго вліянія на общество, а проповѣдуемая ими политическія идеи слабо проникаютъ въ народъ. По этому они рѣшили перевести безпорядки на улицу и путемъ насилій и террора внести въ общество смуту, заставивъ его присоединиться къ нимъ. Еще до постановленія этого окончательнаго рѣшенія, 12 октября, утромъ, въ актовомъ залѣ университета состоялся предварительный „общій митингъ“, въ которомъ приняли участіе служащіе въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, студенты и лица неопредѣленныхъ профессій, по преимуществу, евреи. Предсѣдательствовала упомянутый Шлихтеръ, который, доложивъ собранію о результатахъ сѣзда желѣзнодорожныхъ делегатовъ въ С.-Петербургѣ, объявилъ „митингъ“ открытымъ и первый произнесъ рѣчь о необходимости испроверженія существующаго государственнаго строя, объ обязанности каждаго бойкотировать государственную думу и всѣми средствами стремиться къ созыву учредительнаго собранія. Въ томъ же направленіи говорили и другіе ораторы, а затѣмъ произведенъ былъ сборъ денегъ на пріобрѣтеніе оружія для „активной обороны“. Въ 4 часа пополудни „митингъ“ былъ закрытъ Шлихтеромъ, приглашавшимъ собраться утромъ 13 октября и „привлечь съ собою по возможности рабочую массу“. По свѣдѣніямъ полиціи, на митингѣ этомъ присутствовали пріѣзжіе „делегаты“ изъ столицъ и до 15 офицеровъ, изъ которыхъ одинъ раздавалъ присутствовавшимъ прокламаціи.

Митингъ 13 октября. Наконецъ, наступилъ день 13 октября, на- чавшійся многочисленнымъ „митингомъ“ въ университетѣ, куда собралось до десяти тысячъ человѣкъ разнородной публички, не исключая воспитанниковъ среднѣучебныхъ заведеній, масса евреевъ обоаго пола и, по свѣдѣніямъ, полученнымъ полиціей, 14 офицеровъ разныхъ воинскихъ частей. Рѣчи произносились, главнымъ образомъ, представителями социаль-революціонной партіи и организаціи „Вундъ“. Собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя Шлихтера, который требовалъ освобожденія вооруженной силой задержанныхъ въ ту ночь лицъ, явившихся, по свѣдѣніямъ кіевскаго охраннаго отдѣленія, подстрекателями и руководителями желѣзнодорожной забастовки. Въ дальнѣйшей рѣчи, Шлихтеръ, рисуя современное политическое положеніе Россіи, увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ С.-Петербургѣ уже созвано учредительное собраніе и что войска въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ сложили оружіе и перешли на сторону революціонеровъ. Какъ бы

въ подтвержденіе этого въ нѣскѣ плакатахъ передавалась депеша, полученная будто-бы изъ С. Петербурга, о томъ, что „собранный съѣздъ делегатовъ конституціонно-демократической партіи, послѣ долгихъ дебатовъ, объявилъ себя учредительнымъ собраніемъ. Рабочій и служебный Петербургъ сталъ. Рельсы разобрали. Столица оторвана. Засѣданія конституціонно-демократической партіи происходятъ подъ охраной тысячъ рабочихъ. Собранныя войска бездѣйствуютъ. Готовятся обѣ стороны къ рѣшительному столкновенію. Мы у порога великихъ событій“. Все это виѣстъ взятое, въ связи съ рѣчами другихъ ораторовъ, призывавшихъ немедленно къ оружію и созыву учредительнаго собранія, вызвало чрезвычайное возбужденіе въ слушателяхъ. Въ раздававшихся крикахъ выражалась готовность хоть сейчасъ выйти на улицу, но Шлихтеръ и одинъ изъ главныхъ ораторовъ, помощникъ присяжнаго повереннаго Ратнеръ, убѣждали присутствовавшихъ, по возможности, избѣгать столкновеній съ полиціей и войсками.

Въ то же время въ сосѣдней XIV аудиторіи происходила отдѣльная сходка „украинцевъ“, на которой ораторы говорили объ отдѣленіи Украины отъ Россіи и образованіи самостоятельнаго Украинскаго Королевства „отъ Львова до Харькова“. Въ XIII аудиторіи одновременно собрались на сходку студенты политехническаго института. Всѣ эти группы соединились съ толпой, бывшей на митингѣ, гдѣ производился въ это время усиленный сборъ „на оружіе“, причемъ присутствовавшіе бросали и золотыя монеты, и крупныя кредитныя билеты и серебро, а одна дама вынула даже изъ ушей серьги и бросила ихъ въ шапку съ надписью „на оружіе“. На сборищѣ этомъ рѣшено было начать 14 октября общую забастовку въ городѣ, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ насилію, для чего организованы были три летучихъ отряда. На *первый* возложены были исполнительныя функціи, т. е. насильственное прекращеніе занятій во всѣхъ средисучебныхъ заведеніяхъ, прекращеніе работъ на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ, прекращеніе торговли въ магазинахъ, пріостановленіе движенія городского трамвая и вообще всякаго движенія въ городѣ. *Вторая* группа—боевая—составлена была съ цѣлью вооруженнаго сопротивленія войскамъ и полиціи, гдѣ это оказалось бы нужнымъ. Наконецъ, *третья*—санитарная—въ видѣ летучихъ отрядовъ—предназначена была для оказанія помощи раненымъ и вообще потерпѣвшимъ членамъ организациі. Главнымъ пунктомъ революціоннаго Краснаго Креста были избраны университетскія клиники, а соор-